

Факты, комментарии, заметки (с рабочего стола социолога)

© 1991 г.

Н.В. КОФЫРИН

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ НЕФОРМАЛЬНЫХ ГРУПП МОЛОДЕЖИ

КОФЫРИН Николай Валентинович — сотрудник НИИ комплексных социальных исследований Ленинградского государственного университета. В нашем журнале публикуется впервые.

Бум «неформалитета» привел к тому, что многочисленные исследования молодежных объединений как бы отталкиваются от имиджа неформалов, в массовом сознании принявшего форму стереотипа. В основном уделяется внимание типологизации и классификации, нежели углубленному анализу. Главным образом изучаются политизированные и общественно полезные молодежные сообщества, которые все более активно участвуют в перестройке. Неформальные же подростково-молодежные группы по месту жительства остаются «в тени», намеренно поддерживая свой полуполюгальный статус. Под неформальной группой мы понимаем определенный тип молодежного сообщества, возникшего и существующего ради удовлетворения потребностей и интересов его членов, чья деятельность не регламентирована правовыми документами и неподотчетна государственным и общественным организациям.

По оценкам некоторых исследователей около 50% молодежи в возрасте до 30 лет входит в неформальные объединения; в группы асоциального характера — примерно 9% [1]. Если общественные организации и незарегистрированные общественные объединения приводят свою нормативно-ценностную структуру в соответствие с официально регламентируемой, то неформальные молодежные группы подчеркнута развивают собственную субкультуру, основные черты которой — замкнутость и альтернативность.

Было бы ошибочно считать, что в правовом государстве все неформальные объединения или группы захотят институционализироваться и приобрести официальный статус. Это упрощенный взгляд на проблему. Всегда существовала и будет существовать определенная часть, ни при каких условиях не желающая регистрироваться и тем самым разрушать свою основу.

Маргинальность по отношению, с одной стороны, к общественным объединениям и организациям, с другой — к полу- и нелегальным преступным группам в ряде случаев формирует в неформальных молодежных группах криминогенную субкультуру. Проблема изучения криминогенности у неформалов актуализируется в связи с ростом преступности среди несовершеннолетних и лиц до 30 лет. Так, рост на 21% преступности первых в 1989 г. по сравнению с 1988 г. (и в целом по стране, и в Ленинграде) во многом вызван ее групповым характером. В Ленинграде подростками совершается каждое пятое преступление, причем более 60% — в группах [2]. Число же их в целом по стране за 1988 г. возросло на 15% [3]. По сравнению с первым полугодием 1988 г. в 1989 г. на 14% стало больше подростков — участников групповых преступлений [4]. Однако это лишь видимая часть айсберга.

Публикации и исследования в лучшем случае содержат только разбор весьма опосредованных источников (уголовные дела, данные сплошных опросов учащихся школ и ПТУ, анкетирование правонарушителей), причем без анализа конкретной группы, что в целом искажает описание феномена [5—7].

Осенью 1989 г. мы провели конкретное исследование неформальных молодежных групп по месту жительства в трех районах Ленинграда методами анкетного опроса, интервьюирования-

ния, включенного наблюдения, что позволило зафиксировать различные по степени криминогенности молодежные группы, опровергнуть некоторые стереотипы. Всего анонимно опрошено 345 юношей (70%) и девушек (30%), которые отнесли себя к 47 различным группам. 78,5% респондентов — несовершеннолетние. К математической обработке допущено 326 анкет, в том числе и не содержащие демографических данных. Процент отказа от заполнения анкет не превышал 1. При этом 16 человек сознательно указали свои фамилии, а члены одной из групп самостоятельно подписались и проставили свой адрес под ими же составленным заявлением в адрес городских властей.

Опрос в местах тусовок (подъездах, подвалах, парках, скверах, двориках и т.п.) осуществили два постоянных исследователя, один из которых — автор этих строк. Вечернее время поздней осенью было выбрано намеренно, чтобы отсечь случайных лиц и «прилипал», максимально обнажив костяк группы. Мы предполагали, что прибегнем к «наводке» на места тусовок со стороны правоохранительных органов. Однако такая необходимость отпала, поскольку в процессе работы установилась доверительная атмосфера, способствовавшая полноценному заполнению анкет, а также позволившая найти места тусовок других групп. Респонденты часто вызывались сопровождать нас туда, что стимулировало искренность ответов.

Мы сознательно не ориентировались на поиск определенного типа и выявили широкий спектр: дружеские компании одноклассников, группы по досуговому занятию, криминогенные и преступные группы. Стремление описать «чистый» тип группы, например преступный, приводит к искажению реальности, к подмене ее типотетическими схемами. Поэтому мы воспользовались концепцией «промежуточной группы» [8]. Определяя антиобщественную направленность неформальной группы, мы выявили наиболее существенные признаки. В результате пришли к выводу о борьбе двух тенденций: 1) институционализация путем осуществления общественно полезных устремлений; 2) криминализация из-за возможности добиться цели легально. Эти тенденции могут идти как параллельно, так и пересекаясь, с образованием собственных ниш досуга или включением в уже имеющиеся структуры работы с подростками для реализации антиобщественных интересов и установок.

Количественный состав респондентов колебался от 4—5 до 25—30 человек в группе. 31% составили школьники, 26% — учащиеся ПТУ, 10% — студенты техникумов, 6% — студенты вузов, 23% — работающие, 6% — нигде не работающие и не учащиеся. Почти четверть составляли мигранты, родившиеся вне Ленинграда. Проживают вместе с родителями 85%, в общежитии — 5%, отдельно от родителей — 3%, у друзей — 3%, у родственников — 1%, 3% не дали ответа. Назвали свою группу 64%. Причем 34% принадлежали раньше к другим группам, что свидетельствует о высоком уровне внутренней миграции. Для получения более объемной социологической картины понадобилось определить социальные факторы, способствующие «уходу» молодежи в неформальные группы, — невозможность самореализации в семье, школе, общественных организациях, конфликты с преподавателями и родителями. Мы проанализировали массив в целом, выделили наиболее характерные группы, а также отдельных лиц, имеющих установки на спекуляцию, проституцию, преступную деятельность в наиболее опасных формах, либо уже занимающихся этим.

Мотивы вхождения и пребывания в неформальной группе следующие: совместные развлечения — 45% опрошенных, просто желание провести свободное время — 42%, отсутствие взрослых и контроля — 34%, необычные приключения и переживания — 31%, общие интересы с членами группы — 29%, возможность поговорить с теми, кто тебя понимает — 27%; 23% опрошенных ответили, что члены группы «очень интересные ребята», у 9% иные побуждения. Таким образом, мотивы достаточно традиционны. Но в то же время внешние причины вхождения в группы по месту жительства весьма показательны: 43% — внутреннее одиночество и желание найти друзей, 31% — «все надоело», 16% — ссоры с родителями, 11% — конфликты в школе, на работе (с преподавателями, начальством), 10% не верят взрослым и разочарованы в окружающих, 9% протестуют против формализма и лжи, 12% «просто не знали, как жить дальше».

На вопрос «Отметьте, где Вам удастся добиться признания, проявить себя как личность?» не более 10% ответили: в учебе, на работе, в общественной жизни, в семье, зато на досуге — 21%, среди одноклассников — 19%, среди друзей по группе — 52%. Полностью довольны своими жилищными условиями 17%, денежными возможностями — 8%, тем, что имеется в личном распоряжении (одежда, книги, вещи) — 17%, отношениями с учителями, с непосредственным начальником — 4%, с отцом — 18%, с матерью — 30%, с друзьями — 65%, учебой (работой) — 6%, самим собой — 25%.

Говоря о наиболее важных жизненных ценностях, 65% назвали верных друзей, 56% — лю-

бовь между юношей и девушкой, 39% — уважение окружающих. Наименее важными из 18 предложенных адаптированных ценностей (методика М. Рокича) оказались: познание окружающего мира и людей — 5%, ощущение красоты природы и искусства — 5%, активная творческая деятельность — 4%. При этом удовлетворены тем, как складывается их жизнь 28%, 25% не удовлетворены, 36% затруднились ответить, 11% не ответили.

Достаточно высокая отчужденность от норм и ценностей включенного в активную творческую жизнедеятельность индивида выражается в так называемом аутсайдерстве [9]. Правильнее — вынужденном аутсайдерстве. Показательно — наряду с распространенностью суждений «неважно, откуда берутся деньги, лишь бы они были» (44%), «без силы в наше время невозможно ничего достичь» (33%), 41% опрошенных согласились с суждением «не делай другому того, чего себе не желаешь».

Подавляющее большинство (64%) довольны своим времяпрепровождением в группе, причем наиболее распространенная форма досуга — тусовка, затем — посещение видеосалона, дискотеки (соответственно 65, 46 и 39%). 32% ответили, что гуляют по городу, 28% — «сидим у кого-нибудь дома», 15% — «у себя в подвале», 13% занимаются спортом. Из видеофильмов предпочитают сюжеты ужасов, комедии и эротикку. Расхожий миф по поводу заразного влияния боевиков о преступниках не подтвердился — только 13% любят их смотреть.

Тусовка в подвале, подъезде, скверике во многом вынуждена из-за коммерциализации досуга. Многие респонденты располагают в месяц на свои нужды не более чем 50 руб., зато у трети запросы не поднимаются выше 100 руб. в месяц, а четверть хотела бы иметь ежемесячно 500 руб. и более. Сейчас в Ленинграде свыше 25 подростковых клубов, которые создавались специально для ребят из неблагополучных и малоимущих семей, работают за плату. Наверное поэтому 52% опрошенных хотели бы создать свой клуб, но лишь треть из них согласилась, чтобы этот клуб был в ведении и под контролем официальной организации. Город наводнили игральные автоматы, а трудоустройство молодежи с введением хозрасчета на предприятиях еще более осложнилось. Чтобы достать деньги 24% готовы подработать, 10% раздобыть любым способом, даже если придется украсть или отобрать, 8% считают допустимым попрошайничать.

Из совершивших преступление в группе четверть несовершеннолетних находилась в состоянии алкогольного опьянения. По нашим данным совсем не употребляют спиртного всего 12%, а 39% употребляют достаточно регулярно. 34% пробовали наркотические и токсические вещества. Готовы попробовать это в группе 14%, если будут настаивать, то еще 5%. Закономерно, что 28% считают выпивку «одной из радостей в жизни», 11% согласны и понюхать и проглотить что-то, лишь бы «поймать кайф».

Приверженность к насилию сформирована, с одной стороны, принципами самой группы, с другой — насилием по отношению к подростку в семье. 13% подвергались подобным действиям со стороны отца, 9% — со стороны матери, 49% потерпели от незнакомых ровесников. Склонны разрешать конфликты силой 31%, 20% применяют силу после предупреждения. В ответ на словесное оскорбление применяют силу сразу — 45%, ответят тем же — 44%. Для того, чтобы пользоваться авторитетом в группе, нужно прежде всего уметь хорошо драться (42%), быть физически сильным (34%), справедливым (34%). Приходилось драться с незнакомыми подростками 71%, с членами другой группы — 40%, со знакомыми из класса — 30%, с живущими рядом ребятами не из своей группы — 21%. Половина неформалов готова использовать различное оружие в драке с другой группой. При этом выберут нож, кастет или иное холодное оружие 28%, специальное приспособление, которое сам изготовил — 23%, огнестрельное оружие — 6%, баллончик с газом — 10%, взрывающиеся предметы — 4%, 29% назвали палки, колья и т.п.

52% опрошенных нередко участвуют в драках с другими группами, 36% защищают от них свою территорию. Поэтому при нападении подавляющее большинство (79%), естественно, будет драться, чтобы поддержать «своих». Враждебные отношения с другими группами наблюдаются у 25%. Таким образом, подросток ищет в группе не только психическую, но и физическую защиту.

В Ленинграде за год количество участников групповых преступлений несовершеннолетних увеличилось на 16%, причем на 11% — число рецидивистов. Из опрошенных 47% ответили, что у них в группе есть лица, осужденные или вернувшиеся из мест лишения свободы. Причем, эти лица в целом оказывают криминализирующее влияние (корыстные мотивы правонарушений, употребление спиртного, наркотических и токсических веществ, усиление правового нигилизма).

14% респондентов ничего не знают об уголовной и административной ответственности,

47% полагают, что законы существуют сами по себе, а жизнь сама по себе. 39% считают нужным держаться со всеми, даже если действия группы и противоречат закону. На просьбу кооператоров за хорошую плату защищать их от рэкетиров, 28% ответят утвердительно, да еще постараются уговорить товарищей, 31% согласятся только вместе с группой, 28% лично откажутся, 9% пойдут на это при особых условиях (если не будет нарушен закон, если предложат очень большую плату и т.д.), 4% ответа не дали. А ведь под маской кооператоров могут скрываться и представители организованной преступности.

Приходится констатировать, что неформальные группы по месту жительства достаточно криминально-генны. Так, 55% ответили — «иногда вместе с группой хулиганим», 9% — «случается фарцануть что-нибудь у иностранцев», 40% — «иногда не ночуем дома», 44% — «иногда прогуливаем занятия (работу)», 46% — «если наши девочки хотят мальчиков, то не отказываем им в этом» (!), 28% — «выгодно продаем дефицитные вещи», 23% — «не даем спуску всяким там приезжим из республик», 28% — «если что-то "плохо лежит", то берем себе, чтобы не пропало».

32% подвергались приводам в милицию поодиночке, 42% — вместе с группой, 19% взяты на учет. Всего же в городе на учете состоят почти 11 тыс. подростков. Однако из совершивших преступление две трети несовершеннолетних ранее на учете не состояли.

Безусловно, часть неформальных групп по месту жительства последовательно криминализируется и постепенно перерастает в группы преступные. Но это не означает, что следует все неформальные объединения подростков и молодежи рассматривать как потенциально преступные, даже если уровень криминальности достаточно высок. Сегодня важно объективно оценить противоборство тенденций криминализации и институционализации для подбора адекватных методов воздействия на каждую конкретную группу. Смешение же различных групп в одно целое под названием «молодежные группировки» и механическая экстраполяция на них методов работы с преступными группами даст только прямо противоположные результаты. Оставить подростков без внимания — значит отдать их под влияние организованной преступности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Леванов Е. Самодеятельные объединения, истоки и тенденции развития // Глобус. 1988. N 3. С. 23—25.
2. Андреев П. Кому нужны наши дети? // Смена. 1989. 13 сент.
3. Бурькин В., Гуров А., Пахомов В. Как понимать гуманность // Труд. 1989. 11 мая.
4. Лисаускас С.Г. Нерентабельный подросток // Сов. Россия. 1989. 10 нояб.
5. Сундиев И.Ю. Неформальные молодежные объединения: опыт экспозиции // Социол. исслед. 1987. N 5. С. 56—62.
6. Овчинский В. С. Криминогенные проявления в молодежной среде // Там же. N 4. С. 85—87.
7. Файн А.П. Люди «системы» (мироощущение советских хиппи) // Там же. 1989. N 1. С. 85—92.
8. Яблонский Л. Шайка деликвентов как промежуточная группа // Социология преступности. М.: Прогресс, 1966. С. 355—356.
9. Забрянский Г.И. Механизм формирования антисоциальных подростковых и юношеских групп // Криминологи о неформальных молодежных объединениях. М.: Юрид. Лит., 1990. С. 49.